

Е. И. Канн

М. Ю. Лермонтов и музыка

Впервые: Канн Е. И. М. Ю. Лермонтов и музыка. М., 1939. С. 5 – 40.

Великий русский поэт, Михаил Юрьевич Лермонтов был разносторонне одарен. Хорошо известно, например, что он обладал талантом живописца. Сохранилось много его картин, акварельных набросков, путевых зарисовок.

Гораздо менее известна его глубокая музыкальная одаренность, его любовь и неизменный интерес к музыке. Лермонтов унаследовал музыкальные способности от своей матери — Марии Михайловны. В раннем детстве он слышал ее песни. Воспоминания о них он сохранил на всю жизнь. Ими навеяно его юношеское стихотворение «Ангел».

Первые впечатления поэта от музыкального театра оставили глубокий след в его душе. Очень рано проявилась его удивительная музыкальная память. Лермонтов отлично запомнил, например, оперу «Невидимка», которую он слышал в первый раз, когда ему было всего пять лет. К ранней юности относится и собственная его попытка написать оперное либретто.

Песни занимают видное место даже в ранних его стихах и юношеских драмах. Юноша Лермонтов сам записал о себе: «Я думаю, что в такой душе много музыки...»

Когда Лермонтов поступил в Благородный пансион при Московском университете, он, наряду с общими науками, начал заниматься музыкой. Из его собственных высказываний известно, что уже в годы пребывания в пансионе он играл на скрипке и фортепиано. В газетах того времени сохранилось известие о музыкальном выступлении Лермонтова на отчетном вечере в университетском пансионе. Поэт исполнил *allegro* из скрипичного концерта Людвиг Маурера.

Позднее, будучи студентом Московского университета, Лермонтов выступал в близком домашнем кругу, как пианист и как певец. Очень отрывочные сведения об этом дошли до нас. Но даже они позволяют судить о музыкальных вкусах поэта. Лермонтов сам исполнял на фортепиано знаменитую в те времена увертюру к опере Обера «Фенелла» («Немая из Портичи»). Этой увертюре он посвятил позднее свои строки в неоконченном романе «Княгиня Литовская».

Лермонтов любил оперу Россини «Семирамида» и охотно участвовал в исполнении дуэтов из этой оперы. По свидетельству современников, Лермонтов «очень хорошо пел романсы — т. е. не пел, а говорил их почти речитативом»; другие вспоминают, как поэт, аккомпанируя себе на фортепиано, «пел презабавные русские и французские куплеты».

Поэт внимательно следил за музыкальной жизнью. Он откликнулся на все новое, свежее, талантливое. Одним из первых Лермонтов оценил гений Бетховена, с восторгом описав в своем сочинении «Панорама Москвы» «чудную фантастическую увертюру» великого композитора.

Есть основания полагать, что Лермонтов имел в виду увертюру Бетховена «Эгмонт», которую он слышал в те годы. Во многих произведениях Лермонтова часто упоминаются имена выдающихся музыкантов-современников. Поэт говорит о Россини, Паганини, о знаменитом русском певце Н. К. Иванове, о певице Бартеньевой, о популярнейших в ту пору пианистах-композиторах — Фильде и Гуммеле, наконец, о Шуберте, с музыкой которого только начали тогда знакомиться в России.

Глубокую любовь питал поэт к народному искусству, к старинным русским песням. Еще в юности он писал: «...если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях».

Лермонтов сам записывал народные песни. Он изучил такие замечательные образцы народного творчества, как былины, старины, как «древние российские стихотворения», собранные Киршей Даниловым, и создал свою гениальную «Песню про купца Калашникова». В стихах этой «Песни» поэт удивительно тонко передал напевность и ритмы русского народного музыкального сказа.

Когда Лермонтов вернулся в Петербург с Кавказа, куда он был сослан за стихотворение на смерть Пушкина, его радушно встретило передовое общество столицы. Уже прославленный поэт — он стал бывать в лучших литературных и музыкальных салонах. В доме Виельгорских Лермонтова привлекали не только литературные интересы, но и вошедшие в историю русской культуры музыкальные собрания, которыми славился этот дом. По-видимому; одно из таких собраний у Виельгорских описал Лермонтов в своей неоконченной повести, открывающейся строками: «У граф. В... был музыкальный вечер».

И в последние годы, когда поэт был снова сослан на Кавказ, он, наряду с вдохновенными поэтическими трудами, не забывал о музыке. В Пятигорске, в доме Верзилиных, он, по свидетельству их старшей дочери, «часами заслушивался музыки». Слуга Лермонтова, бывший с ним до последних дней, сохранил в своей памяти еще одну черточку, дополняющую портрет поэта-музыканта: «Михаил Юрьевич умел играть 5 на флейте и забавлялся этой игрой изредка...»

Сохранились сведения о том, что сам Лермонтов написал музыку на слова своей «Казачьей колыбельной песни». Ноты эти, которыми в свое время никто не заинтересовался, исчезли бесследно.

Далеко не все факты из жизни великого поэта дошли до нас. Не сохранились также многие его рукописи; растеряна значительная часть писем. Даже близкие Лермонтову люди оставили очень скудные свидетельства о нем. Понятно, что музыкальные занятия поэта остались совсем в тени. О них говорят только разрозненные высказывания, случайные фразы, оброненные в письмах, в уцелевших юношеских тетрадях самого поэта. Но и те скудные сведения, которыми мы располагаем, характеризуют разносторонность его музыкального дарования.

В своих бессмертных произведениях Лермонтов запечатлел эту любовь к музыке. Очень часто звучит, в них песня. Неслучайно так «много музыки» в душе его героев и так музыкален его «роскошный стих». Прав был Белинский, когда говорил: «Здесь поэзия становится музыкой...»

Русские композиторы очень рано заинтересовались поэзией Лермонтова. То были талантливые предшественники великого Глинки — А. Алябьев, А. Варламов, А. Гурилев; наконец, совсем неизвестные музыканты-любители — современники Лермонтова.

Перу плодовитого Алябьева принадлежит всего один лермонтовский романс на слова «Черкесской песни» из поэмы «Измаил-Бей». В свое время пользовался широкой известностью романс «И скучно и грустно» Гурилева. Из этой группы композиторов чаще других обращался к поэзии Лермонтова Варламов. Им созданы романсы: «Молитва», «Ангел», «Благодарность», «Парус», «Горные вершины». Многие из этих романсов очень красивы, мелодичны и сейчас вызывают интерес. Но почти никто из композиторов той поры не сумел; передать глубину и силу лермонтовских мыслей, лермонтовских образов. В популярном в то время романсе «Парус» Варламова, написанном в стиле внешне эффектного «полонеза», теряется смысл и глубина «заключительных строк:

А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

Тоньше ощущали эти композиторы лирический лермонтовский пейзаж. Недаром так удалась Варламову его музыкальная миниатюра «Горные вершины». У современников эти романсы имели большой успех.

Долго не получали признания романсы на слова Лермонтова, которые написал известный поэт и общественный деятель Н. П. Огареву серьезно занимавшийся музыкой. Этот современник Лермонтова сумел быстро и по достоинству оценить гений великого поэта. Огареву же принадлежит одна из первых попыток передать в музыке дух и смысл, ритмы и музыкальные звучания лермонтовских стихотворений. «Из них каждое, — говорил Огарев, — смотря по объему — или песня или симфония». И такие «песни» -поражающие органическим слиянием слова и музыки, создал Огарев на стихи: «Есть речи значенье», «Тучи», «Песня золотой рыбки». Эти забытые романсы стоит вспомнить сейчас. Немного, пожалуй, найдется музыкальных произведений, которые так изящно и непринужденно воспроизвели бы воздушную легкость и прихотливые ритмы стихов «Есть речи», как это сделал в своей музыке поэт Огарев. В романсе «Тучи» повторяющаяся нарочито монотонная мелодия передает медленное и унылое движение гряды облаков и ощущение томящей тоски.

...Михаил Юрьевич Виельгореский - широко образованный музыкант — не раз беседовал с Лермонтовым о музыке. К сожалению, эти интересные материалы до нас не дошли. Сохранилось несколько произведений Виельгорского на лермонтовские тексты. Таковы его романс «Отчего», вокальный квартет «Тучки небесные».

В длинном ряду композиторов-любителей, писавших на слова Лермонтова, стоят имена его родственника Д. Столыпина (романсы «Люблю тебя нездешней страстью», «Нищий», «Два великана») и известной певицы — друга Даргомыжского и Мусоргского — М. В. Шиловской-Бегичевой (романс «Расстались мы» и многие другие).

Благодаря И. С. Тургеневу с творчеством Лермонтова близко познакомилась знаменитая европейская певица Полина Виардо, занимавшаяся и композицией. Полина Виардо живо интересовалась русской поэзией. Она написала много романсов на слова Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Фета, Ею создан целый лермонтовский цикл, в который входят романсы: «Казачья колыбельная песня», «Русалка», «Ветка Палестины», «Утес» и др. Глубже всего, пожалуй,

почувствовала Виардо лермонтовскую «Казачью колыбельную». С большой теплотой и задушевностью передана ею глубокая материнская любовь. Гармонически более сложный романс Виардо «Русалка» требует от исполнителей огромного вокального мастерства.

Среди немногих черновиков, оставшихся после смерти Лермонтова, дошел до нас набросок его стихотворения «Слышу ли голос твой». Этот незаконченный набросок привлек, однако, внимание многих композиторов. В 1848 году на слова «Слышу ли голос твой» написал романс М. И. Глинка. Вслед за Глинкой на эти слова писали музыку свыше двадцати русских композиторов.

«Слышу ли голос твой» — единственный романс Глинки на слова Лермонтова. Правда, много позднее, Глинка, приспособил к своей фортепианной пьесе стихотворение Лермонтова «В минуту жизни трудную». По собственному признанию, Глинка был поражен, до чего к его пьесе «удивительно подходят слова Лермонтова». Надо, впрочем, оговориться, что такое «приспособление» текста к ранее написанной музыке не создало художественного единства. Многократные повторения отдельных слов исказили отточенную форму и внутренний ритм лермонтовского стиха.

Жизненные пути Лермонтова и Глинки несколько раз совсем близко сходились. Поэт и композитор вращались в одном и том же кругу в Москве. В Петербурге, когда Лермонтов учился в юнкерской школе, он иногда посещал преподавателя школы А. С. Стунеева, у которого, по свидетельству биографа Лермонтова П. А. Висковатова, часто бывал Глинка. Позднее Глинка и Лермонтов были нередкими посетителями дома Виельгорских...

Поэзия Лермонтова нашла талантливое воплощение в музыке выдающегося русского композитора А. С. Даргомыжского. Весь его творческий путь отмечен неутомимым исканием художественной правды в звуках. Композитор сам ясно выразил свои устремления в известных словах: «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды».

Интересно сопоставить творческие приемы Даргомыжского и Лермонтова. Если композитор часто исходил от слова и искал для него правдивого выражения в звуках, то поэт нередко шел к поэтическому образу от звукового, музыкального восприятия. Для Лермонтова Звуки то «принимают образ», то «видимую форму». В одном из своих писем поэт высказал даже такую интересную мысль: «право, следовало бы ставить ноты над словами».

О стихотворении Лермонтова «Отчего» Белинский писал: «Это вздох музыки, это мелодия грусти». Теми же словами можно охарактеризовать и один из лучших лермонтовских романсов Даргомыжского «Мне грустно». Даргомыжский пытается воплотить в музыке и философские темы поэта. В своем романсе «И скучно и грустно» композитор нашел выразительный декламационный речитатив, чтобы со всей правдой речевых интонаций передать тягостное одиночество поэта, его горькие раздумья и мучительную неудовлетворенность. Даргомыжский тонко ощущал мелодическое богатство и ритмы лермонтовского стиха. В «Песне золотой рыбки» из поэмы «Мцыри» композитор отлично передал эту почти хрустальную звонкость слова. В его музыке, кажется, и впрямь слышишь, как

...звучная струя

Сливалась тихий ропот свой

С словами рыбки золотой...

Большинство романсов Даргомыжского на слова Лермонтова можно по праву отнести к лучшим музыкальным произведениям на темы великого поэта.

Очень глубоко из русских композиторов проникся духом поэзии Лермонтова выдающийся русский композитор М. А. Балакирев. Вождь и идеолог «могучей кучки» Балакирев поднял знамя борьбы за реализм, за народность в музыкальном искусстве. В своих взглядах на искусство он, вместе со Стасовым, Мусоргским и другими музыкальными деятелями, отразил прогрессивные течения русской общественной мысли, представителями которой были Белинский, Добролюбов, Чернышевский. Балакирев любил и знал русскую литературу. Но из русских поэтов ближе всех был ему Лермонтов. К Лермонтову Балакирев, по собственным словам, приковался как к поэту «богатырской силы».

«Дышу Лермонтовым, — писал композитор из Пятигорска В. В. Стасову. — Перечитавши еще раз все его вещи, я должен сказать, что Лермонтов из всего русского сильнее на меня действует...»

Балакирев видит в Лермонтове натуру, родственную себе. Он говорит: «мы совпадаем во многом... много еще есть струн, которые Лермонтов затрогивает, которые отзываются и во мне... Если б Лермонтов жил сорок лет, он бы был первый из наших и один из первых в свете».

Балакирев на всю жизнь остался верен своей любви к поэзии Лермонтова. У поэта ищет он ответа на мучающие его вопросы. С поэзией Лермонтова тесно связано творчество Балакирева. Неслучайно для первого своего романа на лермонтовские темы он избирает «Песнь Селима». В его музыке, суровой и мужественной, словно слышится твердая поступь воина. В сущности, в этих стихах композитор нашел прекрасное выражение собственных мыслей и настроений борца, каким был он сам в те лучшие для него годы.

И так бывало часто в жизни у Балакирева. Когда тучи сгущались над композитором, он обращался к родственным его душевным настроениям лермонтовским строкам. «Душа моя мрачна», — говорит поэт в своей «Еврейской мелодии», и эти слова звучат в романсе Балакирева, как скорбное, трагическое признание.

В глубокой старости, когда силы Балакирева совсем иссякли, он еще раз вернулся к Лермонтову. «Утес» стал его последним романсом. Невольно кажется, что в этой музыке, полной сиротливой грусти, композитор говорит о самом себе, о своем одиночестве в последние годы жизни. Одиннадцать романсов, написанных Балакиревым, — принадлежат к лучшему, что создано в русской музыке на слова Лермонтова. О его романсах говорил с восхищением Чайковский:

«...Это, положительно, маленькие шедевры, и некоторые из них я люблю до страсти. Было время, когда я не мог без слез слушать «Песнь Селима», и еще я высоко ставлю его «Песнь золотой рыбки». В хорошем исполнении этот последний романс производит обаятельное впечатление».

На лермонтовских темах Балакирев развил новые художественные формы русского романса. Композитор считал ценным лишь то произведение, в котором музыка верно трактует текст. Поэтическому содержанию Балакирев часто сознательно подчинял музыкальную мысль. В его романсах на слова Лермонтова музыка органически опаяна с текстом.

У Балакирева, как большого мастера фортепианного письма, аккомпанемент в романсе выходит далеко за пределы иллюстративного сопровождения. Его аккомпанемент — это целая

музыкальная картина, красочная и выразительная («Песня золотой рыбки», «Сосна», «Песнь Селима»).

Имя Лермонтова было популярно среди членов «могучей кучки». Балакирев неустанно советовал своим друзьям почаще обращаться к Лермонтову.

«Пишете ли вы что-нибудь? — спрашивал Балакирев в письме к Римскому-Корсакову. — Что бы вам писать романсы? Верно, с вами есть и Лермонтов, и Пушкин, и Кольцов, а это было бы вам чрезвычайно полезно, приучило бы вас к декламации...»

Вдумчивый музыкант и ценитель поэзии, Римский-Корсаков, отвечал Балакиреву: «Пушкин и Лермонтов действительно есть под рукою... У Лермонтова много стихотворений, из которых можно писать романсы, но я как-то боюсь, что у меня они выйдут пошлы».

Несмотря на свои опасения, Римский-Корсаков все же не раз обращался к Лермонтову. Он написал музыку к стихотворениям «Ангел», «Отчего», «Когда волнуется желтеющая «ива». «Песнь Селима», «Утес», «Тучки небесные», «Сосна» (хор) и др. Лучший из этих романсов: «Как небеса твой взор блистает».

Романсы эти, конечно, не вышли «пошлы», как боялся взыскательный к себе композитор. Напротив, их отличает благородство мелодического рисунка и безупречно изысканная форма, столь характерные для Римского-Корсакова. Но все же, при всех художественных достоинствах этих романсов, музыка их не передает силы и глубины лермонтовского поэтического слова.

Заметную страницу в историю лермонтовского романса вписал еще один из членов «могучей кучки» — Ц. А. Кюи. Среди его многих вокальных пьес на слова Лермонтова выделяются своей искренностью и теплотой, стройностью формы романсы «Она поет и звуки тают» и «У врат обители святой».

В творчестве Мусоргского поэзия Лермонтова почти не отразилась. Известен ранний и маловыразительный романс Мусоргского и а слова «Молитвы». Задуманный много позднее композитором романс «Как небеса твой взор блистает» написан не был.

Неосновательно забыт своеобразный по своему мелодическому рисунку и интонационно очень интересный романс «Жила грузинка молодая», сочиненный Н. Н. Лодыженским, который примыкал к «Могучей кучке».

Ученик и единомышленник Балакирева С. М. Ляпунов написал романсы на слова Лермонтова: «Вверху одна горит звезда» и «Горные вершины».

Поэзию Лермонтова очень любил и ценил П. И. Чайковский. В 1878 году он писал Н. Ф. Фон-Мекк: «...сегодня я принялся за переписку нескольких романсов... Один из этих романсов ... сочинен на текст Лермонтова: “Любовь мертвеца”... Пожалуйста, не бойтесь критиковать “Любовь мертвеца”: Неужели я могу иметь претензию писать всегда удачные вещи? Вы совершенно правы, говоря, что текст до того силен, что вряд ли музыка может достигнуть этой высоты, но я все-таки дерзнул...».

И, может быть, эти слова Чайковского объясняют ту нерешительность, с которой обращались к Лермонтову даже гениальные музыканты. Чайковский «дерзнул», но надо было обладать его гением, чтобы так правильно отразить лермонтовский замысел. Музыка Чайковского, полная высокого трагизма и напряженной динамики, глубоко воплотила образы романтического

стихотворения Лермонтова. Баллада «Любовь мертвеца» — одно из самых значительных произведений, написанных на тексты великого поэта.

Пожалуй, наибольшую дань творчеству Лермонтова отдал Антон Рубинштейн. Кроме трех опер: «Хаджи-Абрек», «Демон», «Купец Калашников», он сочинил несколько романсов, дуэтов («Ангел», «Горные вершины», «Еврейская мелодия», «Кинжал», «Парус», «Русалка» «Тучи»). Большой популярностью пользуется романс Рубинштейна «Желание», быть может, несколько поверхностный, но красивый и удачно передающий стремительный ритм лермонтовского стихотворения.

Можно назвать еще много сочинений на лермонтовские тексты, которые оставили след в истории русского романса. Таковы романсы: А. С. Аренского, А. Т. Гречанинова, К. Ю. Давыдова, Э. Ф. Направника, Ф. С. Акименко, Ф. М. Blumenфельда, В. И. Ребикова, С. В. Рахманинова, Н. Метнера и др.

В 1914 году, в связи со столетием со дня рождения поэта, появилось много новых произведений на тексты Лермонтова. В этом юбилейном потоке были многочисленные кантаты, «славы», хоры, посвященные Лермонтову; вышло огромное количество романсов. Впрочем, круг тем по-прежнему ограничивался двумя-тремя десятками лермонтовских стихотворений, излюбленных у музыкантов.

Любопытная справка, относящаяся к дореволюционным временам: на текст стихотворения «Молитва» написано тридцать одно музыкальное сочинение, на текст «Нет, не тебя так пылко я люблю» — двадцать восемь; «Казачьей колыбельной песни» — двадцать три, «Слышу ли голос твой» — двадцать два; «Расстались мы» — пятнадцать; «Выхожу один я на дорогу» — девять и т. д.

Можно сделать некоторые выводы. В дореволюционной музыке отразились, главным образом, лирические произведения Лермонтова. Но и лирика его была воспринята большинством музыкантов несколько ограниченно. И лишь первоклассные музыканты создали лирические произведения на тексты Лермонтова, достойные гения поэта. Второстепенные же музыканты, обращавшиеся к Лермонтову, нередко видели в нем только автора «красивых» стихов, которые могут быть темой для такой же «красивой» и бездумной музыки. Вместо великих глубин, которые поэт затронул, вместо таких ярких в его поэзии начал демократизма и народности, — на первый план они выдвигали виртуозное мастерство стихотворца, звучность его стихов.

* * *

В оперной музыке поэзия Лермонтова также нашла свое отражение. Чаще всех обращался к сюжетам Лермонтова Антон Рубинштейн. Еще в ранней молодости он написал одноактную оперу «Хаджи-Абрек». Полина Виардо исполнила в одном из концертов в Петербурге арию Зулимы с хором, а позднее в собственном концерте Рубинштейна исполнялась лезгинка из этой оперы. Это раннее произведение Рубинштейна полностью не сохранилось. Впоследствии лишь ария Зулимы была издана под названием: «Ария из оперы “Мечь”».

Крупным этапом в творчестве Рубинштейна явилась опера «Демон», начатая им в 1871 году. Ниже мы вернемся к ней. После «Демона» Рубинштейн задумал новое произведение на сюжет «Песни про купца Калашникова». Неудачи начались уже с либретто. На клавише оперы «Купец Калашников» значится: «Сюжет заимствован из песни Лермонтова. Слова (за исключением стихов Лермонтова) Н. Куликова».

Очень трудно приспособить к оперной сцене такое самобытное, такое народное по духу и по форме про изведение, как лермонтовская «Песня». Эпический элемент сказа неотделим в ней от драматических эпизодов. В либретто оперы все чудесные эпические «заставки»-«запевы», описания природы, лирические отступы были отсечены. Форма «Песни» была разрушена. Неловко подделываясь под песенный стиль, Н. Куликов заставил купца Калашникова говорить, к примеру, так:

Эх, русская природа, удалая,
Ты распахнись, распахнись,
Грудь, мышцы расправляя,
Когда не в силах зло стерпеть,
Иди в бой, иди в бой...
Не робей в бой...

«Песня про купца Калашникова» Лермонтова проникнута народной напевностью. В ритмах и в мелодике своей она воспроизводит старинный русский музыкальный сказ. Рубинштейн не почувствовал этой глубоко народной природы «Песни». И музыка его, не идущая от русского народного искусства, оказалась бесцветной, тусклой и совершенно оторванной от духа и формы лермонтовской «Песни».

Передовые музыканты единодушно и справедливо расценили оперу «Купец Калашников», как творческую неудачу Рубинштейна.

Было немало других попыток создать оперы на темы Лермонтова. Большинство из них известно лишь по названиям. Кроме Рубинштейна, на сюжет «Хаджи-Абрека» написал оперу Траилин. Поэма «Боярин Орша» привлекла внимание трех композиторов: Кроткова, Агренева-Славянского и Фистулари. Фистулари и Гербер писали оперы на сюжет «Маскарада». Композитору Корещенко принадлежит двухактная опера «Ангел смерти». Сохранились сведения еще об одной опере Колесникова «Герой нашего времени».

Русская музыка знает несколько кантат на сюжеты Лермонтова. Так, небезызвестный любитель музыки Н. Ф. Христианович написал в 60-х годах прошлого столетия семь картин из «Демона» для хора и оркестра. На сюжет «Демона» сочинил кантату композитор П. И. Бларамберг. Несколько произведений того же жанра было написано на популярную среди музыкантов лермонтовскую «Русалку».

Музыкальное оформление было сделано к спектаклю «Тамбовская казначейша», которая в свое время была поставлена в Москве, в театре «Летучая мышь». Музыка, действительно связанную с драматическим спектаклем, написал А. К. Глазунов к драме Лермонтова «Маскарад». В нашем концертном репертуаре сохранился из нее лишь «Романс Нины».

* * *

В симфонической музыке, посвященной темам Лермонтова, самое крупное место принадлежит Балакиреву.

Свежее и талантливое произведение, навеянное поэтическими образами Лермонтова, создал С. В. Рахманинов. Ниже мы подробно остановимся на симфонической поэме Балакирева «Тамара» и оркестровой фантазии «Утес» Рахманинова.

Симфонические картины на сюжеты Лермонтова «Мцыри» М. М. Ипполитова-Иванова и «Три пальмы» А. А. Спендиарова — являются произведениями композиторов, продолжавших свою деятельность уже в советское время. Остальная симфоническая музыка на лермонтовские темы, написанная в дореволюционные годы, не представляет ничего выдающегося. Можно упомянуть лишь симфонию «Демон» Направника, симфоническую картину для большого оркестра «Дары Терека» — Давыдова, симфоническую картину «Умиравший гладиатор» — Бларамберга, «Мцыри» — Сенилова.

* * *

Среди советских композиторов старшего поколения раньше всех других попытался музыкально воплотить поэзию Лермонтова — Ипполитов-Иванов. Композитор побывал на Кавказе, в Мцхете «При впадении Арагвы в Куру, напротив Мцхета,— писал Ипполитов-Иванов в своих «Воспоминаниях»,—находится старинный монастырь, опозитизированный Лермонтовым в его поэме «Мцыри», вдохновлявшей многих музыкантов, в том числе и меня». Композитору вспомнились первые строки поэмы:

Немного лет тому назад
Там, где сливаясь шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь...

Ипполитов-Иванов написал симфоническую поэму «Мцыри». Изобразительными музыкальными средствами композитор нарисовал природу Кавказа, лермонтовский пейзаж, но ему не удалось передать самого главного: гордого и вольного духа Мцыри. Гораздо лучше и искреннее прозвучало в романсе Ипполитова-Иванова стихотворение Лермонтова «Горные вершины».

В последние годы нашими композиторами создано несколько циклов лермонтовских романсов, проникнутых единой художественной идеей. Наиболее значительный лермонтовский цикл из двенадцати романсов написал выдающийся советский композитор, крупнейший симфонист — Н. Я. Мясковский. Мясковский пришел к Лермонтову после своих ранних работ на тексты поэтов пушкинской поры — Баратынского и Дельвига. В лермонтовский цикл Мясковского входят: «Казачья колыбельная песня», «Выхожу один я на дорогу», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Романс», «К портрету», «Солнце», «Они любили друг друга», «В альбом», «Она поет», «Не плачь, не плачь, мое дитя», «Из альбома», и, наконец, «Прости, мы не встретимся боле».

Многие из этих романсов пользуются заслуженной любовью слушателей. В скупых и внешне простых мелодиях «Казачьей колыбельной песни» Мясковский сумел раскрыть не только тему

материнской любви, но и суровую реалистическую обстановку, изображенную поэтом. Этот истинно кавказский фольклор, воспроизведенный Лермонтовым, Мясковский передал, не прибегая к внешним музыкальным приемам традиционного ориентализма.

В пору своей поэтической зрелости Лермонтов написал стихи «К портрету» Воронцовой-Дашковой:

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна как бабочка летом...

Этот обаятельный образ почему-то редко привлекал внимание композиторов. Мясковский создал «К портрету» Лермонтова тонкий музыкальный портрет. Его изящная, музыкальная акварель оставляет впечатление чего-то изменчивого, неуловимо промелькнувшего. Композитор верно почувствовал поэтический стиль этих стихов.

В цикл романсов, написанных Б. В. Асафьевым, входит и пейзажная лирика Лермонтова («Горные вершины», «Сосна», «Утро на Кавказе») и такие глубокие по мысли стихи, как «Волны и люди».

«Через поэзию Лермонтова, через его поэтические кавказские картины, — говорит композитор, — слагались и мои думы о далеких окраинах нашей родины, о том востоке, красочном и правдивом, который манил и меня, как многих других русских музыкантов. С юности меня волновал пафос лермонтовской вольнолюбивой поэзии. С годами я понял ужас одиночества, на которое был обречен поэт. Я понял величие его скорби и сокрушительную силу его иронии».

Лучший из романсов Б. В. Асафьева — «Утро на Кавказе» — написан на ранний лермонтовский текст. Его музыка тонко отражает настроения поэта.

Цикл лермонтовских романсов написал молодой ленинградский композитор Б. Майзель. В драматической, волевой музыке его романса «Кинжал» с большой силой звучат слова поэта:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты. мой друг железный.

Среди романсов другого ленинградского композитора Г. Свиридова выделяется романс «Соседка», выражающий глубокую тоску узника по воле.

Г. Г. Крейтнер показал в своем лермонтовском цикле самые разнообразные по характеру стихотворения поэта. В этот цикл вошло совсем раннее стихотворение Лермонтова «Осень»; жанровая картинка «Посреди небесных тел», которая звучит у композитора, как стилизованная песня, исполняемая под аккомпанемент самодельной балалайки; трагическая «Чаша жизни», романс «Слышу ли голос твой», задуманный композитором, вопреки традиции, в нарочито сдержанной, лаконической манере, и другие романсы.

Советский композитор Е. Голубев впервые положил на музыку вдохновенные стихи Лермонтова «Смерть поэта», созданные после гибели Пушкина. Интересно задуманное произведение Голубева написано для хора à capella (новая редакция — для голоса и фортепиано).

Кроме названных нами композиторов, романсы на лермонтовские тексты написали: М. Штейнберг, А. Гедике, А. Гольденвейзер, С. Фейнберг, С. Василенко, В. Шебалин, Л. Бакалов, Ю.

Бирюков, А. Спадавекиа, Зара Левина, И. Шишов, пионер Леня Брумберг и многие другие композиторы.

* * *

Новые и своеобразные формы находят советские композиторы для лермонтовского музыкального театра.

На текст «Тамбовской казначейши» написал оперу Б. В. Асафьев. Мысль о «русской комедийной опере нравов» композитор, по его словам, давно лелеял.

—В «Казначейше» — говорит Б. В. Асафьев, — чуткий психолог и непревзойденный мастер поэзии рассказал в обаятельной форме онегинского стиха один из жутких бытовых анекдотов, порожденных российской скукой. Эта, якобы только забавная повесть о Тамбове, очень родственна тем повестям Гоголя и Щедрина, которые посвящены застою прозябанию русских дореволюционных городов».

Опера начинается забавно-идиллической жанровой картиной. Постепенно усложняются конфликты, эмоции нарастают, чтобы вылиться в острую драматическую ситуацию. Опера кончается симфоническим интермеццо («метель») и степной раздольной песней ямщика. По мысли композитора, «свежий воздух, ветер и безграничная снежная даль должны сменить собою жуткую мусть тамбовской обывательщины». В «Тамбовской казначейше» Асафьев умело использовал бытовые интонации того времени и остроумно ввел «жестокий романс», столь модный тогда в городском быту.

Неоконченный роман Лермонтова «Вадим» привлек внимание композитора С. В. Аксюка. В истории русской музыки была лишь одна попытка театрально-музыкального истолкования этого сюжета. В прошлом столетии композитор Яшнева написал оперу «Суровые времена», которая, кажется, никогда не видела света рампы.

«Вадим», начатый юношей Лермонтовым, до появления «Капитанской дочки» Пушкина, поражает широтой политических взглядов автора и дышит гневом против крепостников. В «Вадиме» есть замечательные строки, описывающие обстановку, в которой произошло народное восстание, возглавленное Пугачевым: «Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь их могла смыть эти постыдные летописи».

Все народные сцены в «Вадиме» написаны юным поэтом в реалистической манере и предвещают расцвет гения Лермонтова. С другой стороны, в «Вадиме» ярко отразился ранний лермонтовский романтизм.

Композитор С. В. Аксюк стремился воплотить этот юношеский роман Лермонтова в сценических образах и музыкальных характеристиках.

Опера «Вадим» начинается с увертюры, через которую проходит тема лермонтовской песни о воле:

...Но мне богом дана

Молодая жена,
Вольность-волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизменная...

Эта песня, вплетенная в увертюру в виде вокального соло, является как бы ключом ко всей опере о пугачевском восстании. Наряду с лирическими сценами, в ней много есть народных сцен, хоров. Музыка «Вадима», — мелодическая, напевная, истинно русская по складу. Существенный недостаток этой оперы — вялое, бездейственное либретто (М. Гольденберга). Это отразилось на музыке, которой не хватает порой драматического единства.

Интересна новая работа С. В. Аксюка — народный музыкально-драматический сказ — «Песня про купца Калашникова». В этом сказе повествовательные и драматические элементы сочетаются так, как в старинном народном «действе». Те же приемы сохраняются и сейчас в народном театральном искусстве.

Главным действующим лицом «Песни про купца Калашникова» является хор, который выделяет из своего состава отдельных запевал, ведущих сказ. По мере развития действия, выходят на «круг» те гусяры, которые ведут речь за Грозного царя, за опричника, за Калашникова и т. д. Такая форма народного «действия» позволяет донести в полной неприкосновенности весь лермонтовский текст. Музыкально-драматический сказ — «Песня про купца Калашникова» написан композитором Аксюком в плане народного представления, разработанном А. Новиковым.

Композитору хорошо удалось речитативы, реплики сказителей, хоровые номера. Музыка не содержит в себе подлинных цитат из народных песен, но она все производит дух и форму народного музыкального сказа.

* * *

Мы бегло и далеко не полно перечислили работы только некоторых московских и ленинградских музыкантов. Новые произведения на темы Лермонтова создают украинские, белорусские, грузинские, армянские композиторы. В краткой брошюре невозможно дать сколько-нибудь подробную оценку всех этих работ, которые к тому же непрерывно умножаются. Но бесспорна одна тенденция: советские музыканты стремятся как можно глубже проникнуть в идейную сущность творений великого русского поэта, они берутся за те общественно-философские лермонтовские темы, мимо которых нередко проходили музыканты.

* * *

Остановимся на основных произведениях, вошедших в программы юбилейных концертов, организованных Московской государственной филармонией в ознаменование 125-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

М. А. БАЛАКИРЕВ. Симфоническая поэма «Тамара»

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале...

Так начинается баллада Лермонтова «Тамара» — одно из самых замечательных романтических его творений, навеянных народными сказаниями и легендами Кавказа. Под впечатлением лермонтовской «Тамары» у Балакирева сложился замысел его лучшей симфонической поэмы.

В шестидесятых годах Балакирев приехал на Кавказ. Он с увлечением собирает и записывает песни кавказских народов, прислушивается к своеобразной их музыке, к колоритным звучаниям кеманчи, зурны и тары; Балакирев восхищается огневыми плясками горцев. На Кавказе композитор еще глубже вчитывается в стихи любимого поэта. Образы лермонтовской поэзии, словно ожили на фоне кавказской природы.

Неслучайно именно «Тамара» взволновала творческое воображение композитора. В остро-сюжетной, полной драматического действия и притягательной таинственности балладе Лермонтова Балакирев нашел благодарный материал для себя, для своих художественных устремлений.

— Всякое хорошее произведение музыкальное носит в себе программу, — утверждал Балакирев. И в своей симфонической поэме «Тамара» композитор художественно воплотил этот тезис.

Его поэма содержит несколько программных эпизодов. Композитор рисует величественный кавказский пейзаж. Неприступные ущелья почти закрывают небо. Внизу, на дне пропасти «роется» Терек. Едва слышный рокот струнных, играющих под сурдину, передает в оркестре движение горной реки. Тема Терека таинственна и мрачна.

Но мрак рассеивается. Весь колорит становится мягче, роскошнее. Звучит любовный призыв Тамары. Ее теме придан чувственный, восточный характер.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.
На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

Таинственный замок оживает. Начинаются пляски. Это центральное место симфонической поэмы. Медленный плавный восточный танец разгорается, становится все стремительней и наконец разрастается в дикую оргию:

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.
Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Ритмы танцев, построенных на повторяющихся народных темах кавказских плясок,— причудливы и капризны. Гармонии их остры и пряны...

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Музыкальный эпилог возвращает нас к исходной теме. Вновь рисуется мрачный пейзаж. Вновь звучит в оркестре дикая и равнодушная стихия:

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну...

Свою «Тамару» Балакирев посвятил Францу Листу, последователем которого в области программной симфонической музыки он себя считал. И Лист очень сочувственно откликнулся на это посвящение:

«Многоуважаемый, дорогой собрат, — писал он — мои симпатии к вашим произведениям известны. Когда мои юные ученики хотят доставить мне удовольствие, они' играют мне ваши сочинения и сочинения ваших славных друзей. В этой неустрашимой русской фаланге я сердечно приветствую мастеров, одаренных редкой жизненной энергией: они несколько не страдают той анемией идей, которая очень распространена в различных странах. Их заслуги будут все более и более признаваться, а имена получают известность. Я с благодарностью принимаю честь посвящения мне вашей симфонической поэмы «Тамара».»

Балакирев работал над «Тамарой» долгие годы. Это не могло не отразиться на поэме. Римский-Корсаков вспоминал: «Сочинение прекрасное, интересное, но показавшееся... сшитым из кусков и не без суховатых моментов. Обаяния прежних импровизаций конца 60-х годов уже не было. Да и не могло быть иначе: пьеса сочинялась более 15 лет (конечно, с

перерывами)... Балакирев 80-х годов не был Балакиревым 60-х...» И все же, при всех неровностях, «Тамара» остается одним из значительных произведений русского симфонизма. После симфонических эпизодов «Руслана и Людмилы» балакиревская «Тамара» - одно из первых симфонических произведений русской музыки, в котором восток нашел столь красочное и благородное воплощение. Под ее влиянием написаны «Половецкие пляски» и другие картины в половецком стане Бородина, симфоническая поэма «Антар» и «Шехеразада» Римского-Корсакова.

* * *

С. В. РАХМАНИНОВ. «Утес», фантазия для оркестра (ор. 7).

В 1893 году С. В. Рахманинов написал фантазию для симфонического оркестра. Эпиграфом к фантазии Рахманинова послужили начальные строки стихотворения Лермонтова «Утес»:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя...

«Утес» — очень раннее произведение Рахманинова. Это определяет и недостатки его, и достоинства. Симфоническая фантазия 20-летнего юноши, только что покинувшего консерваторские стены, еще лишена творческой самостоятельности. Она носит явную печать влияния кучкистов, в особенности, Римского-Корсакова. Местами (в финале) темы рахманиновского «Утеса» напоминают темы симфонических поэм Чайковского («Франческа да Римини»).

И все же, эта юношеская фантазия вызывает симпатии. Ее свежесть, увлекательная непосредственность, большая внутренняя теплота и поэтичность замысла подкупают слушателя.

«Утес» Рахманинова написан вне определенной сюжетной программы. Скорее это лирический музыкальный пейзаж, отразивший настроения лишь первых — светлых строк лермонтовского «Утеса». Оркестрована фантазия Рахманинова очень изящно и красочно.

Интересную запись об «Утесе» оставил в своих воспоминаниях Ипполитов-Иванов, который вместе с Чайковским слушал эту фантазию на квартире у С. И. Танеева: «В конце вечера, — пишет Ипполитов-Иванов, — Рахманинов познакомил нас с только что написанной им симфонической поэмой «Утес», по стихотворению Лермонтова... Поэма всем очень понравилась и в особенности Петру Ильичу, восхищавшемуся ее колоритностью...»

Впервые фантазия «Утес» была исполнена в 1894 году. С тех пор она прочно вошла в русский симфонический репертуар.

* * *

А. А. СПЕНДИАРОВ. «Три пальмы» (ор. 10).

Советским композитором А. А. Спендиаровым была еще в ранний период творчества написана симфоническая программная картина «Три пальмы» на сюжет одноименного стихотворения Лермонтова.

Большинство крупных произведений этого выдающегося армянского композитора отмечены своеобразным восточным колоритом. Музыкальный восток Спендиарова самобытен и ограничен. Его творчество впитало подлинно народные армянские и крымско-татарские напевы. И на этом же ориентальном фоне мастерски развернута композитором симфоническая картина «Три пальмы».

Последовательно, с большой художественной конкретностью, почти такт за тактом, иллюстрирует Спендиаров поэтические эпизоды восточного сказания:

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

В музыке возникает образ знойной пустыни, в тишину которой вплетается мелодичное журчанье родника. Звучит нежная поэтическая тема пальм, постепенно разрастающаяся в гневный ропот. |

...И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и 'звучный ручей.
И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?
Не прав твой, о небо, святой приговор!

И в ответ на эту страстную мольбу издалека, едва слышно, раздается поступь каравана. Мерное движение его прекрасно передают *pizzicato* контрабасов и виолончелей.

Вот к пальмам подходит, шумя караван:
В тени их веселый раскинулся стан. <
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,

И щедро поит их студёный ручей.

Внезапно раздаётся стук топора. С жалобным стоном, негодуя на неблагодарность людей, умирают пальмы.

И снова:

«...Урочный свой путь совершал караван...»

И снова, как вначале, возникает в медленно затухающих ритмах исполненный грусти образ знойной пустыни:

И ныне все дико и пусто кругом —

Не шепчутся листья с гремучим ключом:

Напрасно пророка о тени он просит —

Его лишь песок раскалённый заносит,

Да коршун хохлатый, степной нелюдим,

Добычу терзает и щиплет над ним...

Большое поэтическое чувство, которым согрета эта симфоническая картина, отличная форма и прекрасная оркестровка завоевали ей широкое признание. В свое время талантливое произведение Спендиарова удостоилось премии имени Глинки.

А. Г. РУБИНШТЕЙН. «Демон», опера¹ П. Посвящая в 1838 году свою поэму «Демон» В. А. Лопухиной, Лермонтов писал:

...Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?

Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,

Ты — только мертвого, пустого одобренья,

Наложишь на нее тяжелую печать, —

И не узнаешь здесь простого выраженья

Тоски, мой бедный ум томившей столько лет, —

И примешь за игру, иль сон воображенья

Больной души тяжелый бред?...

Над «Демоном» поэт работал всю жизнь. Это одно из самых глубоких философских произведений Лермонтова, в котором он проповедовал «с небом гордую вражду». Стих поэмы доведен до предельного совершенства. Пленительность образов сочетается с чудесными картинами природы «роскошной Грузии». Поэма вошла в сокровищницу мировой литературы.

¹ В концертах исполняются отрывки из оперы «Демон».

Когда Рубинштейн задумал оперу на сюжет «Демона», он обратился с просьбой написать либретто к известному поэту А. Н. Майкову. Майков согласился, однако вскоре заболел, и Рубинштейн предложил составить либретто биографу Лермонтова П. А. Висковатову. Либретто оперы «Демон» нельзя признать удачным. Глубокий смысл поэмы выхолощен. Ее образы во многом снижены. Наряду с лермонтовскими стихами, в либретто звучат чужие неуклюжие стихи.

Нелегко было Рубинштейну добиться постановки своей оперы на сцене. Пришлось бесконечно уступать мелочным придиркам цензуры. Когда опера была, наконец, в 1875 году поставлена в Петербурге, она сразу завоевала прочный успех у широкой публики. «Демон» неоднократно ставился на оперных сценах крупнейших городов Западной Европы и до сих пор не сходит с репертуара.

В среде музыкантов, впрочем, оперу встретили довольно холодно. Еще до постановки «Демона» Рубинштейн познакомил со своею музыкой выдающихся русских композиторов: Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, Балакирева, Кюи. Как всегда, Рубинштейн гениально исполнил, свое произведение на рояле. «Но,— рассказывает один из очевидцев, — новая опера произвела на этих слушателей не особенно выгодное впечатление. Больше всего понравились танцы и марш, шествие каравана...» Эти страницы оперы получали неизменно высокую оценку у самых взыскательных музыкантов. Так, Бородин, будучи однажды у Франца Листа, рекомендовал ему танцы из «Демона», и Лист очень заинтересовался этой музыкой.

Надо признать, что произведение Рубинштейна все же не отражает гениальной поэмы Лермонтова. Музыка этой оперы не везде равноценна. Но наряду со слабыми эпизодами опера содержит немало колоритных и талантливых страниц (танцы, замечательный хор «Ноченька темная», поэтическая ария Синодала, некоторые темы самого Демона).

Поэма «Демон» не раз привлекала внимание композиторов. Но в музыкальном театре опера Рубинштейна остается пока единственным произведением на этот сюжет.